

THE LAST FAREWELL: SHAMANISTIC RITUALS AT THE YAKUT FUNERAL

ПОСЛЕДНИЕ ПРОВОДЫ: ШАМАНСКИЕ КАМЛЕНИЯ НА ПОХОРОНАХ У ЯКУТОВ

SON VEDA: YAKUT CENAZE MERASİMİNDE ŞAMANİSTİK UYGULAMALAR

Prof. Dr. Rosalia BRAVINA

SUMMARY

The article deals with the perception and understanding of death by the northern Turks-Yakuts. They believe that a man could "earn" a decent "good" death by his behavior, actions and deeds. This clearly shows the ethical aspect of the phenomenon of death, according to which the Yakuts had a concept of "good" and "bad" death. It was believed that the substances of life (*kut* and *sur*) of those who died properly, returned to its roots and in a given time revived again on the earth. Those who died prematurely with "bad" death were thought to be victims of evil spirits of *abaasy*, in the category of which they subsequently changed into themselves and turned into a spirit of *yuer*. Living a decent life provided the decent "right" departure to the world of the ancestors, whereas access to the other world for the "wrong" dead required intervention and mediation of shamans. The paper presents the structural and functional analysis of shamanistic rituals at the funeral.

Keywords: Yakuts, mythology, ethnography, death, funeral, shamanistic ritual, structural and functional analysis.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается восприятие и осмысление смерти у северных тюрков – якутов. По их представлениям достойную «хорошую» смерть человек мог «заслужить» своим поведением, поступками и делами. В этом четко проявляется этическая сторона феномена смерти, согласно которой у якутов существовала концепция «хорошей» и «дурной» смерти. Считалось, что у достойно умерших субстанции жизни: *кут*, *сур* возвращались к своим истокам и через определенное время вновь возрождались на земле. Умершие преждевременно «дурной» смертью представлялись жертвами злых духов *абааһы*, в разряд которых они сами в дальнейшем и переходили, превратившись в духов *уөр*. Достойно прожитая жизнь предусматривала достойный «правильный» уход в мир предков, а для доступа в загробный мир «неправильно» умерших требовалось вмешательство и

посредничество шаманов. В статье приводится структурно-функциональный анализ шаманских камланий при похоронах и вместилищ для духов *үөр*.

Ключевые слова: якуты, мифология, этнография, концепция смерти, похороны, шаманское камлание, структурно-функциональный анализ.

ÖZET

Bu makale, kuzey Türkleri (Yakutlar) arasında ölümle ilgili anlayış ve uygulamaları incelemektedir. Yakut'lara göre, bir insanın ölümünün iyi ya da kötü olması, kişinin yaşamında sergilediği davranışlar ve yaptığı seçimlere göre değişir. Buna göre, "ölüm" kavramı "iyi" ya da "kötü" ölüm olarak değerlendirilebilecek ahlaki bir olgudur. Uygun ya da iyi bir şekilde ölen insanların yaşamsal öğelerinin (kut ve sur) ölümden sonra kök(en)leriyle yeniden birleştiği ve belirli bir zaman sonra da tekrar yeniden doğduğuna inanılırdı. Zamanından önce ya da kötü şekilde ölenler ise "abaasy" denilen kötü ruhların kurbanları oldukları ve bu yüzden de "yuer" ruhuna dönüştüklerine inanılırdı. "Erdemli" bir yaşam sürmek kişinin atalarının dünyasına "erdemli" bir şekilde gidebilme hakkını kazanması anlamına gelirken, kötü bir yaşam sürenlerin aynı hakkı elde edebilmesi için "erdemsiz" davranışlarından arınması açısından şamanların aracılığına ve müdahalesine gerek duyulmaktadır. Bu çalışma, ölüm merasimlerindeki şaman uygulamalarının yapısal ve işlevsel bir çözümlemesini içermektedir.

Anahtar Sözcükler: Yakutlar, mitoloji, etnografi, ölüm kavramı, ölüm merasimi, şaman uygulamaları, yapısal ve işlevsel çözümleme

Осмысление смерти в традиционном сознании у северных тюрков – якутов (самоназвание саха) носило амбивалентный характер. Во-первых, смерть (ср. *өлүү* – доля, смерть) была связана с представлениями о веке как о сроке человеческой жизни, на протяжении которого расходуется отпущенная каждому человеку жизненная энергия, т.е. она воспринималась как предопределение (ср. *дьылга* — судьба, смерть), продиктованное божествами-творцами. Во-вторых, воспринималась как активное начало, персонифицированное в образе злого духа, прерывающего жизнь человека: с одной стороны, это злой дух *абааһы*, а с другой — образ духа умершего — *үөр*, который являлся одновременно носителем идеи смерти и ее причиной.

По представлениям якутов, «полный» век человеку доставался не только по предопределению свыше — он мог его «заслужить» своим поведением и делами. В этом четко проявлялась этическая сторона феномена смерти, согласно которой «добрый человек живет долго» (*үтүө киһи уһун үйэлэнэр*). И.А. Худяков пишет, что пожилые якуты «с 60 лет... считают вместо одного года по два и всегда выдают себя за давнего старика, чтобы пользоваться почетом глубокого старца» [Hudyakov. 1969: 137]. Наоборот, преждевременная смерть всегда осуждалась общественным мнением. Согласно этим представлениям, у якутов существовала концепция «хорошей» и «дурной» смерти.

Первая из них предполагала спокойную смерть в преклонном возрасте в своем доме в кругу детей и сородичей, без сожаления о предстоящей кончине. Подчеркивая

последнее, пожилые якуты говорили: «Скушал, попробовал на вкус все, что было отпущено судьбой».

Для якутов большое значение имело душевное состояние умирающего, так как с ним было связано представление о «легкой» и «мучительной» смерти. Механизм «легкой» смерти предполагал, что жизнь вытекала из человека постепенно, подобно табачному дыму, пока не превращалась в свой антипод — смерть. В этом случае она часто уподоблялась сну. Якуты про усопшего говорили: «Он заснул вечным сном».

При определении смерти традиционное сознание выделяло несколько признаков на первый взгляд сугубо физиологического характера, а на самом деле имевших скрытый глубинный смысл. Первый из них — прерывание дыхания. Дыхание *тыын* считалось наиболее явным и важным признаком жизненного процесса, оно подобно нити, связывающей жизнь с истоком жизненной энергии, средоточием которой представлялись светлые божества *айыы*. Второй внешний признак смерти — неподвижность. Для обозначения смерти в грубой форме применялось выражение *атабын тэннээбит* (протянул ноги). Констатируя наступившую смерть, отмечали еще один признак, говоря: *Кун сырдыгыттан матта* (лишился солнечного света). При этом следует отметить два момента: с одной стороны, солнечный свет в мифологической традиции является важнейшей характеристикой земного мира, населенного живыми людьми, т.е. человек умер и, следовательно, не принадлежит более этому миру; с другой — видеть солнце означало жить. Четвертый признак — отсутствие реакции на внешние раздражители, что отразилось в поговорке «Подобно тому, как от мертвеца ожидать ответного приветствия».

При этом признаки смерти не представлялись наступившими внезапно, а мыслились как результат постепенной утраты человеком необходимых для полноценной жизни свойств, вложенных в его субстанционные единицы. По замечанию В.И. Ереминой, «...молниеносности перевоплощения предшествовали внешние подготовительные формы, способствующие будущему перевоплощению» [Yeremina. 1991: 139]. В данном случае в качестве «подготовительных форм» наступающей смерти можно рассмотреть признаки старения, которые нашли свое воплощение в следующих устойчивых выражениях: *тыына кылгыыр* — укорачивается дыхание, *атафа уйбат* — ноги не держат, *харабын уота өһөр* — ослабевает огонь в глазах, *өйө өһүллэр* — развязывается ум и т.д. В результате этих процессов пожилой человек как в физическом, так и в психическом плане как бы возвращается в состояние детства и теряет свой прежний социальный статус. Якуты говорили: *Түөһэйэн оҕотугар түспүт* (утеряв рассудок, впал в детство); *оҕо да оҕонньор да биир* (что ребенок, что старик одинаковы)).

Смерть, таким образом, воспринималась якутами как процесс, начинающийся при жизни человека, который постепенно приводил к полной и необратимой утере всех жизненно важных свойств человека (дыхания, движения, зрения, слуха и т.д.). Одновременно умирающий приобретал новые свойства, характерные для его нового состояния. Представление о постепенности превращения жизни в смерть отразилось в поверье, согласно которому умерший узнавал о собственной смерти постепенно, через ряд открытий. Он обнаруживал, что травинка под ним не гнется, а на снегу не остаются следы; замечал, что у него отсутствует тень и т.д. В данном случае речь идет, с одной стороны, о постепенности перехода человека в иное состояние: он не сразу понимает, что с ним произошло. А с другой — о разрушении целостности

человека: если его материальное физическое тело безвозвратно теряло свойства жизни, то его внутренняя субстанция — *кут* — продолжала существовать, он не только воспринимает окружающую среду, но и реагирует на нее. Таким образом, происходит своеобразная трансформация сути человека.

Представления якутов о посмертном существовании души были достаточно противоречивыми. По некоторым сведениям, после смерти человека его целостность как сочетание трех *кут* и *сур*¹ разрушалась и распадалась на составные элементы, которые возвращались к своим истокам. Мать-душа возвращалась к своему создателю – владыке белых божеств-творцов Үрүн Айыы Тойону, а *сур* — к главе верхних злых духов Улуу Тойону [Үегогова, 2012]. Земля-душа оставалась погребенной с телом умершего в земле, а воздух-душа растворялась в воздухе [Үастремский. 1929: 6]. Считалось, что *ийэ кут* и *сур*, возвратившись к своим божествам, жили у них беззаботно до следующего своего возрождения. Срок последнего устанавливал верховное божество Аар Тойон (или Үрүн Айыы Тойон), божество судьбы и рока Дьылба Хаан определял заново их земную судьбу, согласно которой богиня плодородья Налыгыр Айыыһыт внедряла *кут* будущего ребенка в конкретного мужчину и таким образом отправляла ее обратно на землю [Slepov. 1886: 130].

«У якутов есть... поверье, что иной человек родится два или три раза. Будто бы некоторые дети, только что выучившись говорить, рассказывают, что прежде они были такими-то и такими-то людьми. Такой человек называется у якутов *киһи үөрэ*» [Нудяков, 1969: 191]. По данным якутской этнографии, представления о круговороте жизни сохранились главным образом у северной группы: верхоянских, абыйских и кобайских якутов, что может быть частичным свидетельством их архаичности. В преданиях говорится, что в земной мир возвращается мать-душа: «Человек имеет три души... Когда человек умирает, то умирает его тело — плоть (*этэ-хаана*). *Ийэ кут* никогда не умирает. Она вновь и вновь возвращается и продолжает заново рождаться. *Кут* умершего внедряется в женщину через ее темя. В своих камланиях шаманы пели от имени духа умершего *үөр*: «Внедрившись в человека-женщину через обшивку ее головы, имеющей четыре шва, сделавшись *уу бэгэй кыыл* (букв. водяным маленьким насекомым-зверем), переродился я»... Древние говорили, что каждый человек — это переродившийся дух умершего» [Архив YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 40: 17].

«Кут человека после его смерти проникает через темя в женщину и рождается во второй раз. Ныне старая женщина Өлүөнэ Коруохап в раннем детстве, как только научилась говорить, поведала о том, что она прежде жила на речке Таатта. «Мой муж убил меня, ударив топором по голове. Вот след от той раны», — рассказывала она и показывала пятно как бы от шрама, находящееся на макушке головы. Есть такой советский работник элгетский человек Куома Омуосап. Тот человек в раннем детстве рассказывал: «Раньше я проживал в с. Казачьем. У моей нынешней матери пальто на плече имело рваную дырку, через которую я внедрился, обратившись в птичку. Вот повзрослею, поеду обратно в Казачье!» ... Раньше о рождении *киһи үөрэ* старики много чего рассказывали» [Архив YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 37: 24-25].

¹ По представлениям якутов внутренняя субстанция человека *кут* состояла из трех элементов: *ийэ кут* – мать-душа, *салгын кут* – воздух-душа и *буор кут* – земля-душа; *сур* – «лицетворение энергии и силы воли...» [Pekarskiy. 1959: 2402].

По словам белого шамана Суздолова из Абыйского района, *кут* умершего возрождается через 3 года или через 7 лет. Она может родиться как у своих кровных родственников, так и у чужих в другом месте [Arhiv YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 62: 18].

Представление о возрождении *кут* умерших относилось прежде всего к старикам, дожившим свой век, т.е. умершим «хорошей» смертью. Следовательно, резерв будущей жизни состоял из *кут* достойных. Ввиду этого традиционный коллектив был заинтересован в «правильном» поведении и результативной жизнедеятельности каждого из своих членов. Жизнь индивида представляла собой высшую ценность для всего рода. Только смерть окончательно отвечала на вопрос, был ли умерший достойным членом коллектива или существом внутренне и социально неполноценным.

С идеей о перерождении *кут* умерших были тесно связаны представления об особом характере смерти младенцев, что наиболее наглядно проявлялось в особенностях их погребения. Труп младенца заворачивали в бересту, отец относил его в лес и прятал в ветвях большого дерева, или же в надмогильном сооружении старшего родственника [Bravina, Popov. 2008: 86-87]. По поверьям якутов, *кут* умершего ребенка возвращалась обратно к Иэйиэхсит, богине-покровительнице размножения человеческого рода, в виде маленькой птички и по истечении определенного времени вновь рождалась на земле [Arhiv IVR. F. 22. Op. 1. D. 7: 60]. «При случае кончины любимого ребенка приглашают белого шамана, чтобы тот вернул обратно *кут* ребенка. Шаман наполняет берестяной сосуд землей, в которой делает небольшое углубление; в этой ямке сооружает вроде птичьего гнезда, куда и кладет душу умершего ребенка (в виде деревянного изображения птички. — Р. Б.). Если потом в этой семье родится младенец, то говорят: «Вот, возвратилась, заново родилась *кут* нашего покойного дитяти. Громко не шумите, много не говорите — *кут*, испугавшись, обратно уйдет». Такой обряд назывался «возвращение *кут* ребенка» [Arhiv YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 44: 352].

Понятие «нехорошей», «худой» смерти относилось к умершим преждевременно (по болезни или в результате несчастного случая). Механизм наступления такой смерти представлялся долгим и мучительным: человек, находясь в предсмертной агонии, сильно страдал как физически, так и душевно: «...смерть вытягивает медленно все жилы, расчленяет тело человека на мускулы и кости (выделено мной. — Р. Б.), и наконец, прерывает аорту» [Arhiv IVR. F. 22. Op. 1. D. 7: 36]. Даже при внезапности такой кончины, по представлениям якутов, умирающий успевал осознавать весь ужас происходящего с ним. «Что успел подумать он?» — обычно говорят якуты, услышав о несчастном случае с летальным исходом.

Причиной «дурной» смерти являлись злые духи — *абааһы*, которые, вселившись в человека, поедали и мучили его душу *кут* или тело. Следует отметить, что якуты словом *абааһы* называют не только злых духов, но и вообще все враждебное человеку. *Кут* преждевременно умерших становились злыми духами *уөр* и оставались блуждать по Среднему миру. «*Уөр* становились те покойники, которые почему-либо слишком привязаны к жизни и не испили чаши ее наслаждений до дна: девицы, не бывшие замужем, люди более или менее молодые, полные силы и имевшие какие-либо причины особенно желать жить... (они) желая пользоваться утраченными земными благами, стараются забрать свою семью и свой скот туда, где

сами пребывают” [Troschanskiy, 1903: 83,85], поэтому такие духи наносили вред только своим родственникам и близким. Л. Леви-Брюль относительно «живых» мертвых в свое время высказал другое предположение: «...это происходит не потому, что умершие злонамеренны, а потому, что они несчастны из-за своего одиночества и ищут себе товарищей. Они тем более опасны, что еще не утвердились в обществе духов» [Levi-Bryul, 1999: 246]. *Үөр* молодых людей, умерших случайной смертью, одиноко и трудно адаптироваться в новом для них мире ввиду того, что он населен в большинстве своем старшими по возрасту предками.

По представлениям якутов, *үөр* мог стать причиной не только болезни, но и травмы — приближение духа умершего вызывало у человека помутнение сознания, и, потеряв контроль над своими действиями, он наносил себе рану или увечье [Роров, 1949: 312].

С целью обезопасить себя от действий зловредных умерших, в ночь после похорон устраивалось камлание шамана *кут араарыы* (отсоединение кут). Хотя шамана приглашали заранее, еще до выноса тела умершего, т.е. до начала собственно похорон, он в процессе погребения не участвовал, держась в стороне от происходящего. Камлание основывалось на поверье о том, что покойник, умерший раньше положенного срока, не желая уходить в одиночестве, стремится взять с собой в качестве спутника душу кого-нибудь из близких родственников. Шамана просили узнать, чью *кут* умерший прихватил с собой, и по возможности скорее вернуть ее. Для этого отыскивали березку с вилообразным разветвлением наверху. Камлание начиналось с обряда приманивания (*кэйээрин*) души покойного. Когда та являлась на зов, шаман «вселял» ее в себя и от имени умершего называл имя человека, *кут* которого была «похищена». Тогда «пострадавший» присоединялся к шаману и обращался к умершему со следующими словами: «Давай расстанемся подобно вилам этого дерева; пусть поможет этому человек с бахромой, отсоединит имеющий большой палец!» На что шаман от имени покойного отвечал: «С солнечной земли я улетаю, со страной *айыы* расстанусь, от Среднего мира отхожу, в страну (смертной) смерти отправляюсь!» «Пострадавший» и шаман брались за ответвления березки и тянули каждый к себе, пока деревце не ломалось пополам. Свою половину «пострадавший» бросал в огонь, а шаман — на улицу. Следующим этапом обряда отсоединения являлось вселение шаманом возвращенной им души в ее хозяина, который становился посредине юрты, и шаман, ударяя в бубен, три раза обходил его, затем два раза проходил между его ногами. Этим он, во-первых, очищал «живого» от «нечистот» умершего, во-вторых, огораживал его от возможных в будущем действий со стороны умершего. Обряд завершался отправлением *кут* покойника в страну смерти [Архив YNC SO RAN. F. 5. Op. 3. D. 10: 3].

Другой вариант этого камлания был записан А.А. Саввиним у бывшего шамана И.А. Суздадова-Сапалай: «Умерший берет в спутники *кут* одного из членов семьи, как правило, самого любимого человека. При этом если забирает юношу, то кладет похищаемую *кут* себе в правую подмышку, а если девушку, то в левую подмышку. Маленький ребенок не забирает *кут* взрослых... Обычно это делают либо взрослые, либо подростки 15—16 лет...». Камлание проводилось в случае заболевания кого-нибудь из домочадцев. Обычно болезнь такого рода наступала на 3, 4, 7-е сутки после похорон. Больной жаловался на давление в области сердца, тошноту, головную боль, отмечал слабость в ногах, постоянную сонливость. Шаман устраивал камлание

ночью. Камлал он в полном костюме, с бубном. Прежде всего он наматывал *кут* больного на «поводок» (*тэһиин*) и осторожно натягивал, проверяя ее состояние. Если *кут* больного казалась тяжелой и плохо натягивалась, то человеку суждено умереть. Его *кут* утратила свои изначальные качества и подобно старой и изношенной нити могла оборваться в любой миг. Затем шаман вдвухвал *кут* обратно в хозяина и пускался в погоню за душой умершего. По представлениям якутов, между миром живых и миром мертвых существовало три границы-преграды (*буомча*), где на страже стояли старухи *сүлүгэсчит*, открывающие и закрывающие проходы жердями *сүлүгэс*.

Кут человека можно было вернуть только в том случае, если он еще не миновал третий проход. Шаман обычно догонял *кут* покойника на второй границе и требовал у него вернуть *кут* живого. Тот отказывался и говорил: «Он был моим любимым другом, не отдам». Шаман не видел похищенную *кут*, так как умерший носил ее с собой, тщательно спрятав. Тогда шаман обращался к старухе-страже: «Старуха-*сүлүгэсчит*, Хаан Хатын (Кровавая госпожа), эти люди могут ли уйти вместе, скончавшись оба, или же живой сможет вернуться в свой Средний мир?» Та в свою очередь обращалась к другой охранительнице: «Дух-хозяйка Танха эмээхсин (Судьба-бабушка), что делать нам с ними?» Старуха отвечала: «*Кут* живого может вернуться назад». Тогда старуха-*сүлүгэсчит* велела шаману протянуть ладонь. Затем она три раза ударяла своей жердью по голове умершего, и на ладонь шамана падала похищенная *кут*, напоминая белую бабочку. Поначалу бабочка-*кут* не шевелилась, шаман дул на нее трижды и *кут* оживала. Шаман спрашивал у нее имя хозяина и, удостоверившись, отправлялся назад домой. Сначала он возвращался к первой преграде, где его ждала, открыв проход, дух-хозяйка Земли-Вселенной Алай Сылай бабушка. Она, размахивая своей плетью, очищала *кут* больного и, превратив ее в птичку-жаворонка, вселяла в серебряный круг ритуальной шапки шамана. Наконец, шаман добирался до дома больного и останавливался возле камина. Он спрашивал у духа огня: «Что делать с этой *кут*?» На что тот отвечал: «Передай сотворившей ее богине-создательнице Айыысыт, через три дня она вселит ее обратно в хозяина!» Затем шаман обращался к больному: «Вот, друг, принес я твою *кут*. Через трое суток хворь твоя пройдет. Тебе приснится сон: придет к тебе добрая бабушка с зелеными волосами и вселит тебе в подмышку или в макушку птичку-жаворонка. Тогда ты сразу почувствуешь облегчение... Если бабушка тебе не приснится, то, значит, не я помог тебе, ты выздоровел сам по себе». Шаман иногда передавал *кут* больного духу огня. Если человеку оставалось недолго прожить, то шаман вселял *кут* сразу же в него самого [Архив YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 62: 9-14].

Таким образом, в основе обоих вариантов обряда *кут араарыы* лежит представление о смерти в образе похитителя. Смерть наступает потому, что кто-то похитил *кут* умершего. Соответственно шаман действует как спаситель «пострадавшего», чью душу надо заполучить обратно и вернуть на место. В данном случае похитителем является умерший, превратившийся в свою очередь в своего похитителя — смерть. Однако и для последней имеется преграда, которая охраняется добрыми духами в виде старух-стражниц. Примечательно, что одна из них представляется в образе духа-хозяйки Земли-Вселенной, а другая ведает судьбами людей. Умерший, переходя границы *буомча*, постепенно меняет свою суть, отдаляясь от мира живых и приближаясь к миру мертвых, с каждым шагом все больше

становясь чужим для первого и своим для второго. Старухи-охранительницы, открывая перед ним проходы, а затем опуская вслед за ним жерди, закрепляют его новое состояние, способствуя тем самым его дальнейшему пути, и в то же время они строго следят, чтобы в мир мертвых случайно не попали живые. Таким образом, старухи-*сүлүгэсчит* поддерживают равновесие в сосуществовании обоих миров, охраняя их покой и соответствующий каждому из них порядок.

Другим шаманским обрядом, совершаемым по поводу смерти человека, являлось камлание *кут сююдюйюютэ* (проводы *кут* умершего). Обычно оно устраивалось по случаю преждевременной смерти человека. К камланию шаман приступал сразу же по возвращении родственников с похорон, иногда даже до поминальной трапезы. По представлениям саха, *кут* умершего отделялась от его тела, испугавшись грохота земли, брошенной первой лопатой на крышку гроба, и сразу же улетала в загробное странствие. Шаман должен был успеть догнать ее, так как дальше второй преграды живых не пускали. Все окна в юрте плотно закрывались, и шаман устраивался на своем сидении лицом к двери. Шаман «вселял» *кут* покойного в себя и дальше говорил от его лица: «Половинчато мое предопределение, несчастна моя судьба, умер я преждевременной смертью! Через три года, а если это не получится, то спустя семь лет, я вернусь обратно на родную землю, вновь родившись у своих родителей или у кого-нибудь из моих родных. Этот ребенок будет иметь внешность, подобную моей, рост, подобный моему. Кроме того, будет иметь посреди лба родимое черное пятно (так говорит утопленник) или на месте смертельной раны моей будет иметь особую родинку (так говорит *кут* умершего насильственной смертью). И тогда нареките его моим именем!» Затем шаман пускался вдогонку за *кут* и заставлял ее возле второй границы *буомча*, где умершие делали остановку для того, чтобы проститься с миром живых. У самоубийц шаман спрашивал: «Ну, из-за каких-таких мыслей ты в молодые свои годы решил повеситься?» или же (если это утопленник): «В какое время ты имел несчастье войти в воду?» На что первый отвечал: «Шея у меня чесалась, желал я веревки, бывало худо с головой», а утопленник излагал историю своей гибели следующим образом: «Когда я вошел [на лодке] в воду, все было хорошо. Затем вдруг с запада появилась черная туча, увидев которую, я испугался так сильно, что мое тело сильно скрутило. Закружилась голова, и я не помню, как свалился с лодки. Помню, как я барахтался в воде... Затем внезапно мою ногу снизу схватила человеческая пятерня и начала тащить в глубину. При жизни я думал о воде как-то пренебрежительно, и поэтому думаю, что в отместку за это меня схватил дух-хозяин воды».

Шаман, выяснив причину смерти покойного, дальше спрашивал: «Будешь ли вторично рождаться или же отправишься безвозвратно в страну смерти?» Если умерший не желал возрождаться, то говорил: «Будучи в Среднем мире, я, не имея ни пищи, ни одежды, достаточно настрадался на своем веку... Ко мне относились худо, постоянно обделяли, били-ругали, поэтому ухожу в мир мертвых насовсем...» Затем шаман спрашивал: «Вот ты, уходящий, расставшись со Средним миром Вселенной, что хочешь забрать в свою часть-долю, чего не хватает, на что обижаешься, говори!» — «Был любимый мною жеребец, который мог бы стать хорошим ездовым конем, хочу на нем уехать; забыли положить мешочек с огнивом и ружье. Без этого не могу!» — отвечал уходящий. Желание его обязательно исполнялось. Иногда наиболее ценные вещи заменялись их моделями.

В записи этого камлания, сделанного также А.А. Саввиным у шамана Сапалай, дальше говорится: «Между миром мертвых и миром живых имеется три преграды *буом*. Там имеются проходы, закрывающиеся жердями, как на изгороди. Проход охраняют старухи-*сүллүгэсчит*. Они — охранительницы Земли. Они спрашивают у умершего: "Вот, дитя наше бедное, скончавшись, что ли пришло к нам? Какой смертью скончавшись, ты к нам пришел?" Получив достаточный и утвердительный ответ, старухи открывают проход и опускают за покойным свои жердины. Здесь на второй преграде *кут* умершего, пожелавшего еще раз родиться, останавливается, а *кут* умершего, решившего порвать с миром живых, идет дальше за третью границу».

Шаман дальше второй преграды не шел и отсюда возвращался домой. Но перед тем как покинуть *кут* умершего, он обращался с заклинанием *алгыс* к старухе-*сүллүгэсчит*. Он просил, чтобы она хорошо ухаживала за *кут* умершего, воспитывала ее, лаская своими серебряными пальцами, и на второе рождение назначила бы ему счастливую судьбу: «Сотвори ему судьбу, приносящую плодovitый скот, здоровых детей. Ты должна его отправить обратно на землю, благословляя добрыми словами, чтобы он стал человеком с неубывающим достатком, имеющим много скота, здоровых людей. И он, благодаря твоему счастливому благословию, должен стать человеком с крепким предназначением. Ты должна его вернуть к жизни, и с помощью твоего заклинания *алгыс* он станет лучшим из ездовых, выкупом для пеших, и счастье будущих потомков будет связано с ним. Когда будешь возвращать его обратно в Средний мир, на родную землю, вдывая его *ийэ кут-сүр* в виде белой бабочки, то надели его полной перспективой, непрерывающейся судьбой. Бабушка Сүллүгэсчит, имеющая серебряные пальцы, сделай его прапродителем будущих якутов. Прощай навеки!» [Архив YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 62: 15-19].

Обряд *кут суюдуююютэ*, таким образом, вносил оптимистический заряд в психологическое состояние коллектива: причина смерти умершего, вопрос о которой мучил его родственников, становилась ясна; определение загробной судьбы покойного устанавливало относительное спокойствие в семье; наконец, идея о возрождении умершего с лучшей чем прежде судьбой приносила умиротворение не только семье умершего, но и всему роду. Умершие, проходя через своеобразное очищение смертью, становились таким образом резервом рода — гарантом его благополучия и перспективы.

Кут людей, которых шаман не смог проводить в загробный мир, якуты запирали в берестяной сосуд-хранилище *түктүйэ*. Часто на его внешней стороне острым предметом наносили своеобразный «портрет» умершего. *Түктүйэ* хранили в почетном углу юрты на матице, и время от времени «кормили» духа, находившегося внутри, окуривая сосуд дымом масла и жира [Роров, 1949: 312]. Из небольших берестяных идолов, которые изображали умерших членов семьи, получалось целое «соборание» [Тросчашки, 1903: 97].

По материалам А.А. Саввина, *үөр* любимых детей якуты вселяли в так называемый *бах танара* — деревянную куклу, которую одевали в схожий с одеждой умершего наряд. *Бах танара* помещали в берестяную сумку, расшитую узорами, внутрь которой клали перья птиц, кусочки меха, деньги, бисер и другие красивые предметы. Утром и вечером перед *бах танара* ставилось угощение, которое потом съедалось родителями [Архив YNC SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 68: 28]. Виллойские и северные якуты души своих умерших вселяли в так называемый *дьюккаах* (соседка),

который представлял собой натянутую на кусок дерева шкуру лисицы. На виски «соседки» нашивали по монетке, на лбу — золотой круг «солнце», в уши вдевали серебряные серьги, в глаза вставляли бусинки, на шею вешали серебряную гривну, на лапы надевали браслеты из серебра, на кончике хвоста завязывали красную ленту. Если умерший был молодым человеком, то *дьюккаах* готовили из шкуры самца, а если девушка, то самки. Иногда количество дьюккаах достигало по числу умерших в семье семи-восьми штук. *Дьюккаах* помещали в специальный шкафчик с дверцей, внутри которого находился миниатюрный столик на трех ножках. На столик ставили две деревянные тарелки с угощениями. В день свадьбы невеста должна была приготовить для *дьюккаах* различные кушанья и, угощая, молиться перед ним [Arhiv YNC SO RAN. F. 5. Op. 3. D. 477: 11 — 14].

Представления о духе *үөр*, несомненно, отражение очень древних и сложных мировоззренческих идей, продиктованных природой самой смерти, которая представлялась архаичному сознанию таким же сложным и противоречивым явлением, как сама жизнь. Смерть, как всякое явление, получало свое дальнейшее развитие, что ярко отразилось в отношении к *түктүйэ*. Если *үөр*, которого держали во вместилище, первое время возмещал отсутствие любимого человека (прежде всего в эмоционально-чувственном плане: любовь, нежность, забота — все переносилось на его изображение), то со временем, когда первоначальная горечь утраты утихала и жизнь входила в свою обычную колею, особенно с рождением нового члена семьи, который как бы восполнял недостающее количество живого, *үөр* отделяли от мира живых и отправляли в положенный ему мир при посредстве шамана, где он находил свое успокоение в кругу предков. В этом случае *үөр* можно рассматривать как временное переходное состояние очищения. Через вселение *үөр* во вместилище снималось все его отрицательное отношение к жизни: обида, неудовлетворенность, озлобленность и т.д. и он, таким образом, постепенно превращался в «правильного» умершего, который имел право на повторное возвращение к жизни. В этом плане вместилище *түктүйэ* и связанные с ним ритуальные акции (завертывание *үөр* в бересту, регулярные «кормления» и окуривание дымом, благопожелания *алгыс*, адресованные ему и т.д.) можно рассматривать как моделирование будущей новой жизни. Подобно тому как жизнь имеет свою меру, свой предел, так и смерть не может быть бесконечной — она со временем подвергается трансформации: меняет свои черты, признаки, свойства, переходя из одного качества в другое, пока не превращается в свой антипод — жизнь.

Литература

1. Bolo S.I. Proshloe yakutov do prihoda russkih na Lenu: (Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga). – Yakutsk, 1994.
2. Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebalno-pominalnaya obryadnost yakutov: pamyatniki i tradicii (XV – XIX vv.). – Novosibirsk, 2008.
3. Yegorova L. Hava ve toprak, ateş ve su temel elementleri Çerçevesinde saha tanrılar pantheonu // Karadeniz, 2012. № 16.
<http://www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/16/1.pdf>
4. Yeremina V.I. Ritual i folklore – L., 1991
5. Ksenofontov G.V. Shamanizm. Izbrannyye trudy. Yakutsk, 1992.

6. Levi-Bryul L. Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii. – M., 1999
7. Pekarskiy E.K. Slovar yakutskogo yazyka. – M., 1959.
8. Popov A.A. Materialy po religiyi yakutov Viyuskogo okruga // Sbornik MAE. – M.-L., 1949. T.XI.
9. Slepcev A. O verovanii yakutov Yakutskoy oblasti // Izv. VSORGO. – 1886 – N.17, vyp. 12.
10. Troschanskiy V.F. Evolyutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov. – Kazan, 1902.
11. Hudyakov I.A. Kratkoye opisaniye Verhoianskogo okruga. – L.: Nauka, 1969. – S.19-20.
12. Yastremskiy S.V. Obrascy narodnoy literatury yakutov / Trudy komissii po izucheniyu Yakutskoy ASSR. – T.7. – L., 1929
13. Arhiv IVR. F.22. Op.1 D.7.
14. Arhiv YNC SO RAN. F.5. Op.3. D.10, 477; F.4. Op.12. D.37, 40, 44, 62, 68.

Sokrasheniya

IVR – Institut vostochnykh rukopisey

YNC SO RAN – Yakutskiy nauchnyi centr Sibirskogo otdeleniya RAN

1. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). - Якутск, 1994.
2. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV – XIX вв.). – Новосибирск, 2008.
3. Егорова Л. Nava ve toprak, ates ve su temel elementleri Çerçevesinde saha tanrilar pantheonu // Karadeniz, 2012. № 16.
<http://www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/16/1.pdf>
4. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. - Л., 1991.
5. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. Якутск, 1992.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М., 1999.
7. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – М., 1959.
8. Попов А.А. Материалы по религии якутов Вилюйского округа // Сборник МАЭ. – М.-Л., 1949. Т.ХІ.
9. Слепцов А. О веровании якутов Якутской области // Изв. ВСОРГО. - 1886. - Т.17, вып. 12.
10. Трошанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. – Казань, 1902.
11. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л., 1969. – С.19-20.

12. Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов / Труды комиссии по изучению Якутской АССР. - Т.7. - Л., 1929.
13. Архив ИВР. Ф.22. Оп.1. Д.7.
14. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп.3. Д.10, 477; Ф. 4. Оп. 12. Д. 37, 40, 44, 62, 68.

Сокращения

ИВР – Институт восточных рукописей

ЯНЦ СО РАН – Якутский научный центр Сибирского отделения РАН